

М.А. Салтан, д. чл. Кольского отделения РМО, выпускница КГХТ, долгое время работавшая администратором комнаты истории ХТК, рассказывает о Хибинском периоде жизни Рубцова.

«Жизнь меня по всей земле носила» сказал Николай Михайлович Рубцов (1936-1971) в одном из своих стихотворений.

И действительно: Вологодчина, Архангельск, Рига, Мурманск, Ташкент, Москва, Ленинград, Алтай – вот вехи жизненного и творческого пути поэта. Была на этом пути и Хибинская страница. В заполярный Кировск Рубцов приехал в августе 1953 г. До этого были и год работы в архангельском тралфлоте и неудачные попытки поступить в мореходку в Риге и Архангельске.

Но жизнь сделала неожиданный поворот (сколько их ещё было!). Успешно сдав вступительные экзамены, Рубцов поступил на маркшейдерское отделение Кировского горнохимического техникума (КГХТ). Отчего выбрал Кировск? Кто посоветовал? Вопросы без ответа. Один техникум уже был брошен – лесотехнический в городе Тотьма Вологодской области. Наверное, 17-летний парень сознавал, что учёба жизненная необходимость, а здесь к тому же – высокая стипендия, горняцкая форма, общежитие, серьёзная будущая специальность («горный штурман!»). В маркшейдеры брали только тех, кто хорошо знал математику, и будущий поэт своими ответами на экзаменах, очевидно, убедил приёмную комиссию. Вот так вышло: стремился в море, а попал в Хибинские горы.

В это время и я училась на том же маркшейдерском отделении КГХТ (с 1954 г.). Кировск был каменным только в центре, а по окраинам – сплошь одноэтажные деревянные бараки, в одном из них (нашем общежитии) и поселился Рубцов (в комнате на 8 человек). Среди бараков, как острова, каменные здания школ и настоящий храм знаний (таким он нам казался!) – наш техникум. Преподавательский состав частично сформировался из представителей старой интеллигенции, высланной на Север в 1930-е гг., частично – из послевоенных выпускников вузов. Преподавательский коллектив был выдающимся, отличался высокой культурой, подлинной интеллигентностью, требовательностью к учащимся. И вот в эту атмосферу – суровые северные горы, снега, метели, полярная ночь, напряжённые учебные будни, трудный быт – окунулся будущий поэт. Наверное, всё это не могло не сказаться в его творческом развитии.

Помимо учебных занятий, 18-летний Рубцов продолжал сочинять стихи, записывал их в отдельную общую тетрадь с чёрной обложкой (её многие помнят, но никто не листал), много времени проводил в библиотеках. В общежитии жили дружно и песни пели под гармонь, купленную в складчину по инициативе поэта. В это время родились совсем не ученические замечательные стихи, вошедшие в последствии в поэтические сборники: «Деревенские ночи», «Первый снег», «Два пути». А листочек с первым вариантом стихотворения «Букет» Рубцов подарил однокурснице Людмиле Плахиной, просто так подарил, по дружбе – чувства их не связывали.

А к учёбе он быстро охладел: маркшейдерское дело требовало усидчивости, постоянной рутинной работы (одно топографическое черчение чего стоит!). Ну не его это дело – метущейся душе хотелось, наверное, чего-то другого. Давила и природа. Северные горы и полярная ночь привычны тем, кто здесь родился, а родной край Рубцова иной – просторы полей, лесов, широких спокойных рек. Веселье порой сменялось задумчивостью и замкнутостью, пошли пропуски занятий, дружеские застолья, обсуждение и выговоры на педсовете. Руководство техникума – директор А.Е. Глуценко, завуч Г.Г. Бобырев (да и весь педагогический коллектив) – сурово относилось к нарушителям дисциплины (а иначе и нельзя!). Но были преподаватели, с которыми у Рубцова сложились хорошие отношения. Отличные оценки Рубцов получал по геологическим дисциплинам, а заслужить их у строгих Ильи Павловича Ярославского и Лилии Алексеевны Перекрест было совсем непросто (в её честь известный кольский минералог Ю.П. Меньшиков, выпускник КГХТ 1954 г., назвал новый хибинский минерал – перлиалит).

Классный руководитель Маргарита Ивановна Лагунова – молодая, красивая, обаятельная преподавательница литературы – старалась поддержать в Рубцове творческую искру. Не случайно поэт, впоследствии, посвятил ей свой первый сборник «Волны и скалы», отпечатанный на машинке всего в шести экземплярах, который послужил ему пропуском в Литературный институт в Москве. Но все усилия преподавателей были тщетны – в жизни Рубцова назревал очередной кризис.

В конце 1954 г., прожив в Кировске почти полтора года, Рубцов фактически бросил учёбу, провалил зимнюю сессию и был отчислен из техникума в январе 1955 г. В то время студенты уже переселились в новое пятиэтажное благоустроенное общежитие на Хибиногорской улице, а соседом по комнате был будущий главный маркшейдер объединения «Апатит» Е.В. Ивановский.

Так и закончился хибинский период жизни Николая Рубцова. Затем – случайная работа в Ленинграде и четыре года службы на Северном Флоте. Рубцов был дружен со своим товарищем по учебной группе Николаем Шантаренковым, и на прощание отдал ему несколько листочков со своими стихами. Эти разрозненные листочки Шантаренков долго хранил. Впоследствии они были изданы, сначала частично в разных сборниках, а потом и полностью в книге М.В. Сурова «Рубцов. Документы, фотографии, свидетельства» (Вологда, 2006) под названием «Прощальные стихи». В них и суровая северная природа, и невесёлые раздумья о жизни, наше техникумовское начальство и преподаватели, и вся атмосфера нашей неповторимой студенческой юности. И приятно сознавать, что поэзия Рубцова, пусть немного, но коснулась своим крылом хибинской земли и всех нас, кто в то

время на ней жил, работал и учился.

В Кировске и Апатитах уже много лет зимой проходят традиционные «Рубцовские чтения».

Маркшейдеры, 1954 г. Группа, в которой учился Н.Рубцов

Н. Рубцов - Прощальные стихи

Шантаренкову

Зима глухая бродит по дорогам,
И вьюга злая жалобно скулит...
Я уйду до времени и срока,
Как мне судьба постылая велит.
И я скажу: в суровую минуту
Не так легко без друга обойтись,
Тебя, как тень, преследует повсюду
Шальной недуг, куда ни оглянись!
Но если друг при первом испытании
Вдруг изменяет совести своей,
О нём дурную память в ожидании
Грядущих дней безжалостно разбей!
Забудь о том, как шляясь от безделья,
***

Когда-то вы бывали заодно,
Как не однажды вы до одуренья
Глушили вместе водку и вино!
И пусть он склонен был великодушно
Простить тебе обиду и пустяк,
И пусть вы жили весело и дружно,
Деля последний, может быть, пятак!
Что пользы в том?
Забудь о нём, однако:
Такого друга разве не найдёшь
В любом другом, который не собака,
И на неё покуда не похож?
Я уйду от мирных этих келий,
Где всё так глупо прожито и зря,
Где над душой, как камень, тяготели
Тоска, и лень, и злоба, и хандра!
Я уйду от зав. учебной частью,
От злых и строгих бобыревских глаз.
Какое вдруг неслыханное счастье
Доставил мне прощальный этот час!
Я уйду и вспомню на досуге,
Как я в гостях у Глущенко страдал,
Мой взгляд являл отчаянье и муку,
И, Боже, что он только не являл!
Я уйду, спешу... я удираю!
Что смех иных, чей жалок пересуд?
Судьбу мою я ветру доверяю,
И вместе с ним найду себе приют!
Когда-нибудь из памяти сотрётся,
Что прежде было символом греха,
И что отныне попросту зовется
Обыкновенным словом: чепуха!
Прощай, прощай, цветущий край -
Полярные просторы!
И по весне благоухай,
Красой божественной ласкай
Приветливые взоры!
Ты на страницах всех газет
И летом и зимою
Встречаешь утренний рассвет,
В цвета Италии одет,
Являясь тем, кого здесь нет,
Чудесною мечтою!
До Волги, матушки-реки,
Твоя катилась слава!

И есть на свете дураки:
Статьям газетным вопреки,
Отведали отравы!
И я туда же поспешил,
Чужому внемля следу..
И вдруг тебя я невзлюбил!
Шальной недуг меня скрутил,
Уж сколько лет слоняюсь по планете!
И до сих пор мне пристанища нет...
Есть в этом мире страшные приметы,
Но нет такой печальнее примет!
Вокруг меня ничто не различимо,
И путь укрыт от взора моего,
Иду, бреду туманами седыми,
Не знаю сам, куда и для чего?
В лицо невзгодам гордою улыбкой
Ужели мне смеяться целый век?
Ужели я, рождённый по ошибке,
Не идиот, не гад, не человек?
Иль нам унынью рано предаваться,
На всё запас терпения иметь?
Пройти сквозь бури, грозы, чтоб назваться
Среди других глупцом и... умереть?
Когда ж до слёз, до боли надоели,
Заботы все забвению предать?
И слушать птиц залиvistые трели
И с безнадежной грустью вспоминать?
И вспомню я...
Полярною зимою,
Как ночь была темна и холодна!
Казалось, в мире этом под луною
Она губить все чувства рождена!
Как за окном скулил, не умолкая,
Бездомный ветер, шляясь над землёй,
Ему щенки вторили, подвывая, —
И всё в один сливалось жуткий вой!
Как, надрываясь, плакала гармошка,
И, сквозь кошмар в ночной врываясь час,
Как где-то дико грохали сапожки —
Под вой гармошки русский перепляс.
Хотелось мне забыть про всё с досады
И плюнуть в ночь, глухую, как тайга!
Глушить бы водку! Пить бы до упаду!
Бродить бы день и ночь у кабака!
Бродить и петь про тонкую рябину,
Чтоб голос мой услышала она:
Ты не одна томишься на чужбине
И одинокой быть обречена!..